

Аптекарша

Городишко Б., состоящий из двух-трех кривых улиц, спит непробудным сном. В застывшем воздухе тишина. Слышно только, как где-то далеко, должно быть, за городом, жидким, охрипшим тенорком лает собака. Скоро рассвет.

Всё давно уже уснуло. Не спит только молодая жена провизора Черномордика, содержателя бской аптеки. Она ложилась уже три раза, но сон упрямо не идет к ней и неизвестно отчего. Сидит она у открытого окна, в одной сорочке, и глядит на улицу. Ей душно, скучно, досадно... так досадно, что даже плакать хочется, а отчего опять-таки неизвестно. Какой-то комок лежит в груди и то и дело подкатывает к горлу... Сзади, в нескольких шагах от аптекарши, прикорнув к стене, сладко похрапывает сам Черномордик. Жадная блоха впилась ему в переносицу, но он этого не чувствует и даже улыбается, так как ему снится, будто все в городе кашляют и непрерывно покупают у него капли датского короля. Его не разбудишь теперь ни уколами, ни пушкой, ни ласками.

Аптека находится почти у края города, так что аптекарше далеко видно поле... Она видит, как мало-помалу белеет восточный край неба, как он потом багровеет, словно от большого пожара. Неожиданно из-за отдаленного кустарника выползает большая, широколицая луна. Она красна (вообще луна, вылезая из-за кустов, всегда почему-то бывает ужасно сконфужена). Вдруг среди ночной тишины раздаются чьи-то шаги и звяканье шпор. Слышатся голоса.

Это офицеры от исправника в лагерь идут, думает аптекарша.

Немного погодя показываются две фигуры в белых офицерских кителях: одна большая и толстая, другая поменьше и тоньше... Они лениво, нога за ногу, плетутся вдоль забора и громко разговаривают о чем-то. Поравнявшись с аптекой, обе фигуры начинают идти еще тише и глядят на окна.

Аптекой пахнет... говорит тонкий. Аптека и есть! Ах, помню... На прошлой неделе я здесь был, касторку покупал. Тут еще аптекарь с кислым лицом и с ослиной челюстью. Вот, батенька, челюсть! Такой именно Сампсон филистимлян избивал.

М-да... говорит толстый басом. Спит фармация! И аптекарша спит. Тут, Обтесов, аптекарша хорошенькая.

Видел. Мне она очень понравилась... Скажите, доктор, неужели она в состоянии любить эту ослиную челюсть? Неужели?

Нет, вероятно, не любит, вздыхает доктор с таким выражением, как будто ему жаль аптекаря. Спит теперь мамочка за окошечком! Обтесов, а? Раскинулась

от жары... ротик полуоткрыт... и ножка с кровати свесилась. Чай, болван аптекарь в этом добре ничего не смыслит... Ему, небось, что женщина, что бутылка с карболкой всё равно!

Знаете что, доктор? говорит офицер, останавливаясь. Давайте-ка зайдём в аптеку и купим чего-нибудь! Аптекарьшу, быть может, увидим.

Выдумал ночью!

А что же? Ведь они и ночью обязаны торговать. Голубчик, войдёмте!

Пожалуй...

Аптекарьша, спрятавшись за занавеску, слышит сиплый звонок. Оглянувшись на мужа, который храпит по-прежнему сладко и улыбается, она набрасывает на себя платье, надевает на босую ногу туфли и бежит в аптеку.

За стеклянной дверью видны две тени... Аптекарьша припускает огня в лампе и спешит к двери, чтобы отпереть, и ей уже не скучно, и не досадно, и не хочется плакать, а только сильно стучит сердце. Входят толстяк доктор и тонкий Обтесов. Теперь уж их можно рассмотреть. Толстобрюхий доктор смугл, бородат и неповоротлив. При каждом малейшем движении на нем трещит китель и на лице выступает пот. Офицер же розов, безус, женоподобен и гибок, как английский хлыст.

Что вам угодно? спрашивает их аптекарьша, придерживая на груди платье.

Дайте... эээ... на пятнадцать копеек мятных лепешек!

Аптекарьша не спеша достаёт с полки банку и начинает вешать. Покупатели, не мигая, глядят на её спину; доктор жмурится, как сытый кот, а поручик очень серьёзен.

Первый раз вижу, что дама в аптеке торгует, говорит доктор.

Тут ничего нет особенного... отзывается аптекарьша, искоса поглядывая на розовое лицо Обтесова. Муж мой не имеет помощников, и я ему всегда помогаю.

Тэк-с... А у вас миленькая аптечка! Сколько тут разных этих... банок! И вы не боитесь вращаться среди ядов! Бррр!

Аптекарьша запечатывает пакетик и подаёт его доктору. Обтесов подаёт ей пятиалтынный. Проходит полминуты в молчании... Мужчины переглядываются, делают шаг к двери, потом опять переглядываются.

Дайте на десять копеек соды! говорит доктор.

Аптекарьша опять, лениво и вяло двигаясь, протягивает руку к полке.

Нет ли тут, в аптеке, чего-нибудь этакого... бормочет Обтесов, шевеля пальцами, чего-нибудь такого, знаете ли, аллегорического, какой-нибудь живительной влаги... зельтерской воды, что ли? У вас есть зельтерская вода? Есть, отвечает аптекарьша.

Браво! Вы не женщина, а фея. Сочините-ка нам бутылочки три!

Аптекарьша торопливо запечатывает соду и исчезает в потемках за дверью.

Фрукт! говорит доктор, подмигивая. Такого ананаса, Обтесов, и на острове Мадейре не сыщете. А? Как вы думаете? Однако... слышите храп? Это сам господин аптекарш изволят почивать.

Через минуту возвращается аптекарша и ставит на прилавок пять бутылок. Она только что была в погребке, а потому красна и немножко взволнованна. Тсс... тише, говорит Обтесов, когда она, раскупорив бутылки, роняет штопор. Не стучите так, а то мужа разбудите.

Ну, так что же, если и разбужу?

Он так сладко спит... видит вас во сне... За ваше здоровье!

И к тому же, басит доктор, отрывая после зельтерской, мужья такая скучная история, что хорошо бы они сделали, если б всегда спали. Эх, к этой водичке да винца бы красненького!

Чего еще выдумали! смеется аптекарша.

Великолепно бы! Жаль, что в аптеках не продают спиритуозов! Впрочем... вы ведь должны продавать вино как лекарство. Есть у вас *vinum gallicuni rubrum*?¹

Есть.

Ну вот! Подавайте нам его! Чёрт его подери, тащите его сюда!

Сколько вам?

Quantum satis!..² Сначала вы дайте нам в воду по унцу, а потом мы увидим... Обтесов, а? Сначала с водой, а потом уже *per se*...³

Доктор и Обтесов присаживаются к прилавку, снимают фуражки и начинают пить красное вино.

А вино, надо сознаться, препаскуднейшее! *Vinum plochissimum*! Впрочем, в присутствии... эээ... оно нажегся нектаром. Вы восхитительны, сударыня! Целую вам мысленно ручку.

Я дорого дал бы за то, чтобы сделать это не мысленно! говорит Обтесов. Честное слово! Я отдал бы жизнь!

Это уж вы оставьте... говорит госпожа Черномордик, вспыхивая и делая серьезное лицо.

Какая, однако, вы кокетка! тихо хохочет доктор, глядя на нее исподлобья, плутовски. Глазенки так и стреляют! Пиф! паф! Поздравляю: вы победили! Мы сражены!

Аптекарша глядит на их румяные лица, слушает их болтовню и скоро сама оживляется. О, ей уже так весело! Она вступает в разговор, хохочет, кокетничает и даже, после долгих просьб покупателей, выпивает унца два красного вина.

Вы бы, офицеры, почаще в город из лагерей приходили, говорит она, а то тут ужас какая скука. Я просто умираю.

Еще бы! ужасается доктор. Такой ананас... чудо природы и в глуши!

Прекрасно выразился Грибоедов: В глушь! в Саратов! Однако нам пора. Очень рад познакомиться... весьма! Сколько с нас следует?

Аптекарьша поднимает к потолку глаза и долго шевелит губами.

Двенадцать рублей сорок восемь копеек! говорит она.

Обтесов вынимает из кармана толстый бумажник, долго роется в пачке денег и расплачивается.

Ваш муж сладко спит... видит сны... бормочет он, пожимая на прощанье руку аптекарши.

Я не люблю слушать глупостей...

Какие же это глупости? Наоборот... это вовсе не глупости... Даже Шекспир сказал: Блажен, кто смолоду был молод!

Пустите руку!

Наконец покупатели, после долгих разговоров, целуют у аптекарши ручку и нерешительно, словно раздумывая, не забыли ли они чего-нибудь, выходят из аптеки.

А она быстро бежит в спальню и садится у того же окна. Ей видно, как доктор и поручик, выйдя из аптеки, лениво отходят шагов на двадцать, потом останавливаются и начинают о чем-то шептаться. О чем? Сердце у нее стучит, в висках тоже стучит, а отчего она и сама не знает... Бьется сердце сильно, точно те двое, шепчась там, решают его участь.

Минут через пять доктор отделяется от Обтесова и идет дальше, а Обтесов возвращается. Он проходит мимо аптеки раз, другой... То остановится около двери, то опять зашагает... Наконец осторожно звякает звонок.

Что? Кто там? вдруг слышит аптекарша голос мужа. Там звонят, а ты не слышишь! говорит аптекарь строго. Что за беспорядки!

Он встает, надевает халат и, покачиваясь в полусне, шлепая туфлями, идет в аптеку.

Чего... вам? спрашивает он у Обтесова.

Дайте... дайте на пятнадцать копеек мятных лепешек.

С бесконечным сопеньем, зевая, засыпая на ходу и стуча коленями о прилавков, аптекарь лезет на полку и достает банку...

Спустя две минуты аптекарша видит, как Обтесов выходит из аптеки и, пройдя несколько шагов, бросает на пыльную дорогу мятные лепешки. Из-за угла навстречу ему идет доктор... Оба сходятся и, жестикулируя руками, исчезают в утреннем тумане.

Как я несчастна! говорит аптекарша, со злобой глядя на мужа, который быстро раздевается, чтобы опять улечься спать. О, как я несчастна! повторяет она, вдруг заливаясь горькими слезами. И никто, никто не знает...

Я забыл пятнадцать копеек на прилавке, бормочет аптекарь, укрываясь одеялом. Спрячь, пожалуйста, в конторку...

И тотчас же засыпает.

красное французское вино (лат.).2

Сколько потребуется!.. (лат.).3

чистого... (лат.).